

Американская культура XX века и проблемы выбора в условиях страха и насилия (на примере романа У. Стайрона «Выбор Софи»)

Н. Е. ЖАРИНОВ

(Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина)

В статье анализируется сюжет романа американского писателя У. Стайрона «Выбор Софи» с позиции экзистенциальной философии; рассматриваются темы выбора, расхристианивания европейского общества, в котором арийская мифология и немецкий национал-социализм сыграли немаловажную роль.

Ключевые слова: экзистенциализм, американская литература, национал-социализм.

Отклик литературы США на послевоенную действительность сопровождался протестом против ужесточения социальной и культурной регламентации. Как и прежде, для американских писателей было характерно обращение к внутренней, духовной диалектике личности. Есть все основания утверждать, что новая литература целиком сосредоточилась на исследовании человеческого «я», инстинктивных, глубоко личных движений человеческой психики. Моральное кредо не отличалось определенностью, ибо традиционные ценности были отброшены в пользу подчеркнуто субъективного, окрашенного в ироничные, экзистенциалистские тона восприятия внешнего мира. Вместе с тем, несмотря на родимые пятна мрачного пессимизма и даже нигилизма, литература этой поры была исполнена почти религиозного пыла.

Сколько-нибудь оригинального развития экзистенциальная философия в США не получила, но воздействие ее на культурную жизнь страны было очень широко: параэкзистенциалистские мотивы прослеживаются в творчестве многих писателей, в том числе и У. Стайрона.

Уильям Стайрон (1925–2006) в своем романе «Выбор Софи» (1979) обратился к теме Освенцима, в печах которого остался прах сотен тысяч людей. Перед нами не простое бытописание, не очередной триллер на тему фашистских «страшилок». Таких книг в рамках развлекательной массовой беллетристики появилось немало за последнее время, например творчество Германа Вука, Стивена Кинга («Лучший ученик») и т. д. У. Стайрон создает выдающееся художественно-философское произведение, в котором так называемый готический компонент введен не ради самого компонента по принципу «он пугает, а мне не страшно», а выполняет очень важную как эстетическую, так и смысловую роль. В этой «готике», на наш взгляд, очень ясно и четко дают знать о себе основные категории философии экзистенциализма, причем не какого-нибудь одного направления (немецкий — М. Хайдеггер, К. Ясперс; французский — Ж. П. Сартр, А. Камю или религиозный, протестантский в основном, и атеистический), а всех этих направлений сразу. Это экзистенциальный настрой души самого автора, который прекрасно осведомлен об этом фило-

софском учении ХХ в. начиная с его истоков в XIX в. (произведение С. Кьеркегора «Страх и трепет», 1843). Перед нами, если так можно выразиться, языковой образ экзистенциализма, образ, который прекрасно вписывается в теорию романного слова М. Бахтина, слова, обладающего неисчерпаемым многоголосьем и включающего в себя многие языковые стихии, в том числе и философские дискуссии. И как всякий образ, языковой образ в случае философии экзистенциализма обладает мощной обобщающей силой. Это не просто ученический пересказ прочитанного, а результат долгих авторских размышлений по этому поводу, размышлений, выразившихся в самой структуре художественного построения романа, в его поэтике, в системе непростых ассоциаций и тонких аллюзий.

Итак, все повествование сводится к тому, что Софи делает свой выбор: она отдает собственную дочь на заклятие. Мать приносит в жертву ребенка. Невольно ловишь себя на мысли, что это где-то уже было. Например, «Медея» Еврипида. Нет. Не то. Ведь в романе немцы, гестаповцы, в концентрационном лагере рассуждают не как тривиальные палачи, а как настоящие протестантские теологи. Эта сцена вообще не похожа на подлинное воспроизведение реальных событий. Перед нами типичный для поэтики Стайрона «маскарад», когда в «Признании Ната Тернера» сам образ негритянского проповедника-самоучки в большей степени был похож не на раба-негра середины XIX в., а на афроамериканского интеллигента середины XX в., некоего сподвижника борца за свободу М. А. Кинга. Так и в данном случае рядовые гестаповцы-костоломы по законам стайроновского дискурса превращаются в протестантских теологов в элегантно черной нацистской форме, которую разрабатывал еще модный дизайнер одежды Хьюго Босс. И тогда в памяти всплывает другой образ, на наш взгляд, более соответствующий моменту. Это один из основополагающих трудов экзистенциализма — работа «Страх и трепет» С. Кьеркегора. В основе этого философского труда миф об Аврааме, который, как и Софи Завистовская, приносит в жертву своего ребенка, Исава. И связано все это с проблемой

экзистенциального выбора — выбора, который является естественным продолжением таких субъективных эмоциональных состояний, как страх и трепет. Но именно этот ужас, этот экзистенциальный «страх» и «трепет» призваны вызвать у читателя все описания зверств гитлеризма. И такое совпадение нельзя назвать случайным.

Главными составляющими экзистенциальной философии, помимо понятия «экзистенция», являются «пороговая ситуация» и «проблема выбора». Эти понятия также были заимствованы из учения Кьеркегора. Его как философа очень интересовали такие негативные явления человеческой психики, как страх, тревога, досада и тому подобное. И это не случайно. Датский философ рассматривал их как решающую силу, ведущую человека к христианству и вере в целом. Отсюда, на наш взгляд, и берет свое начало «готический» дискурс романа Стайрона.

Ужас Освенцима, как германский ужас, родины экзистенциализма XX в. — это и есть «страх и трепет» в понимании Кьеркегора, как проявление неизбежного конфликта между ограниченной человеческой природой и природой божественного глагола. Перед нами общехристианское воплощение понятия «страха божьего».

Естественно, у читателя возникает вопрос: смогла ли Софи Завистовская противопоставить экзистенциальному и трансцендентному ужасу, страху и трепету Освенцима «всю тотальность» своего внутреннего «Я»? На наш взгляд, это и есть та тайна образа Софи, которую и пытается разгадать сначала молодой Стинго, а затем и сам автор по прошествии долгих 30 лет своего собственного существования, своей экзистенции.

Но будем последовательны и попытаемся разобраться в этом экзистенциальном дискурсе романа постепенно.

Итак, все дело в том, что в момент выбора человек, по Кьеркегору, противопоставляет ужасу и страху божьему всю тотальность своего «Я». Именно в стиле кьеркегоровского «страха и трепета» описана Стайроном самая важная сцена в романе, в которой Софи и должна совершить свой странный выбор.

Именно страх и даже ужас заставляют главную героиню совершить ошибку, обратив на себя внимание врача-эсэсовца и тем самым оказавшись в ситуации экзистенциального выбора, того самого выбора, который и станет центральным предметом изображения в романе Стайрона.

А дальше нам описывают диалог, напоминающий собой теологический спор. Спор, который самым неуместным образом происходит в лагере смерти, где, вообще говоря, было не до споров на тему Бога и веры. Чтобы снять ощущение искусственности происходящего, Стайрон указывает, что действие доктора: предложение Софи самой выбрать одного из детей для печи крематория — вызвало недоумение даже у подчиненных. «Она не верила — никак не могла поверить, словно лишилась рассудка. Не верил, судя по глазам, и сухопарый молодой роттенфюрер с восковым лицом, помощник доктора, к которому она почему-то вдруг обратила молящий взгляд». Обратим внимание на то, какое имя дает эсэсовцу Стайрон. Его зовут доктор Фриц Йемандом фон Нимандом, и эта вымышленная фамилия доктора означает: «Некто фон Никто». Как его характеризует автор, он — несостоявшийся богослов, который по воле отца сначала стал врагом, а затем «вассалом концерна „И. Г. Фарбен“».

Согласно философии экзистенциализма, единственным средством вырваться из сферы обыденного является встреча лицом к лицу со смертью, подводящей итог всякому существованию. И здесь явно прослеживается влияние того же Кьеркегора с его идеей «страха и трепета», идеей «пороговой ситуации» и проблемы выбора. Но обратимся к ключевой сцене романа, к тому странному теологическому диалогу, который там разыгрывается:

«— Так, значит, ты не коммунистка. Ты верующая.

— Я верю в Христа.

— Какой идиотизм!

По манере держаться, по взгляду доктора... она почувствовала: все, что она говорит, не только не помогает ей, не только не защищает, а почему-то стремительно ведет к развязке. И она подумала: „Да порази ж меня немотой!“...

— Значит, ты веруешь в Христа, нашего Искупителя? — сказал доктор, с трудом ворочая языком, но как-то странно, отвлеченно, словно лектор, исследующий не слишком хорошо освещенную грань логического построения» (Стайрон, 2009: 588).

Это замечание о лекторе и «не слишком хорошо освещенной грани логического построения» говорит нам о языковом образе романного слова, образе, пришедшем к нам из средневековой схоластики. Что подтверждает и следующая за этим точная цитата из Евангелия от Марка 10:14: «Разве не сказано: „Пустите детей приходите ко Мне и не препятствуйте им“» (там же: 589).

Комментируя всю сцену, сам Стайрон делает следующее, на первый взгляд парадоксальное, заявление: «В этом страстном желании заставить кого-то совершить такой ужасный грех и состоит, по-моему, исключительность, пожалуй, даже уникальность доктора — то, что выделяет его среди прочих автоматов-эсэсовцев; плохой он был человек или хороший, но он обладал потенциальной способностью сотворить добро, как и зло, и двигала им религиозность. Почему я называю это религиозностью? Возможно, потому, что он с таким вниманием отнесся к словам Софи о том, что она — верующая» (там же: 590).

Даже в том, что Софи заставляют принести в жертву одного из своих детей, чувствуется все та же интертекстуальность, скрытая цитата из трактата Кьеркегора «Страх и трепет» о сути нравственного выбора. В романе мать приносит в жертву свою дочь с библейским именем Ева, а у Кьеркегора мы видим экзистенциальную трактовку в духе его философской притчи об Аврааме, приносящем в жертву своего сына Исаака. В «Страхе и трепете» это подробно рассмотрено на конкретном примере, взятом из Ветхого Завета, — на примере истории Авраама. Тут Кьеркегору было особенно важно показать принципиальное отличие христианского героя, каковым, по его мнению, является Авраам, от всех других форм героизма: романтического, демонического и трагического. «Рыцарь веры», как он называет Авраама, — образец прежде всего

бесконечного самообретения, что означает в данном случае необходимую предпосылку и истинно религиозной веры, и подлинного героизма. Но главное отличие его все же в другом — он как раз не герой: героическое здесь просто неуместно, поскольку речь идет об отношении человека к Богу. Другими словами, объяснение трагизма и как следствие — абсолютного одиночества Авраама состоит в том, что он отрекается от Исаака не перед людьми или перед самим собой, но перед Богом. «Движения веры», как настойчиво повторяет Кьеркегор, есть не что иное, как подчинение требованию божественной любви. Ничего человеческого при этом уже не остается, так как Богу нужна его любовь целиком, без остатка. Впрочем, мужество, которое так необходимо Аврааму, чтобы противостоять человеческому пониманию любви и долга, несколько не иссушает его отеческой привязанности к сыну. Иначе, замечает Кьеркегор, какая же это была бы жертва, не будь Исаак столь дорог Аврааму. Однако религиозная идея тут состоит в том, что страх потерять любимого сына должен быть уравновешен верой во всемогущество Бога, с помощью которого только и можно вновь обрести свое дитя: «Ибо вольные птицы и странствующие гении никак не являются людьми веры». Отсюда — молчание Авраама, невозможность объяснить другим то, что с ним происходит, ведь, будь это объяснимо и понятно, он тотчас же оказался бы под властью человеческого, а не божественного суда.

В романе же Стайрона именно эсэсовец берет на себя функцию Бога. И если Авраам, по Кьеркегору, сам совершает свой великий экзи-

стенциальный Выбор, то Софи этот выбор-невыбор заставляют сделать насильно. Это отражение национал-социалистической мифологии, в соответствии с которой каждый представитель расы господ принадлежит к расе гигантов, к расе сверхлюдей, стоящих выше экзистенциально-христианского «страха и трепета» Кьеркегора. И тогда получается, что проблема мирового зла, по Стайрону, решается в этой сцене в фашистском концлагере как проблема неизбежного для культуры XX в. процесса расхристианивания европейского общества, в котором арийская мифология играла немаловажную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Стайрон, У. (2009) Выбор Софи / пер. с англ. Т. Кудрявцевой. М. : АСТ ; АСТ Москва.

Дата поступления: 15.02.2013 г.

20th-CENTURY AMERICAN CULTURE AND THE PROBLEM OF CHOICE AMID FEAR AND VIOLENCE (BY THE EXAMPLE OF W. STYRON'S NOVEL ENTITLED «SOPHIE'S CHOICE»)

N. E. Zharinov

(The Humanities University of TV & Radio
Broadcasting, Moscow City)

The article contains a plot analysis of a novel entitled «Sophie's Choice» by an American writer, W. Styron, in the context of existential philosophy. The author studies the theme of choice and the issue of the de-Christianization of European society, in which the Aryan mythology and German National Socialism played an important role.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Stairon, U. (2009) Vybor Sofi / per. s angl. T. Kudriavtsevoi. M. : AST ; AST Moskva.

Новые книги

Явон, С. В. Жизненное самоопределение молодежи : монография [Текст] / С. В. Явон. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. — 169 с.

Сковиков, А. К. Логика : учебник и практикум для бакалавров [Текст] / А. К. Сковиков. — М. : Юрайт, 2013. — 575 с.